

*А*ДРИАНА *Д*АРИ

АДРИАНА ДАРИ

ХОЗЯЙКА
СОЛНЕЧНОГО
ПОМЕСТЬЯ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д20

Серийное оформление – *Екатерина Соболевская*

Иллюстрация на обложке – *Жанна Михайлова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Дари, Адриана.

Д20 Хозяйка Солнечного поместья : [роман] / Адриана Дари. – Москва : Издательство АСТ, 2025. – 352 с. – (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-180936-2

Судьба подарила мне невероятный шанс: вместо пробуждения в реанимации без надежды на выздоровление я оказываюсь в теле молодой девушки, Адалии Пэрис.

«Обожаемые» родственнички продали ее невинность и магическую силу беспощадному генералу королевской армии, дракону Ариону Тардену, который поутру даже не вспомнил имя девушки.

Но неужели такие мелочи остановят меня и мою жажду жить? Ни за что!

Родственникам нос утру (и не один раз), свою жизнь устрою и все у меня пройдет как по маслу!

Но с какого перепуга дракон решил меня найти?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-180936-2

© ООО «Литрес», 2025

© А. Дари, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

...☀️ ГЛАВА 1 ☀️...

Струдом разлепляю глаза и вижу, пожалуй, самый лучший сон за все операции, что мне пришлось пережить. Может, у этого анестезиолога и правда рука оказалась легкой?

Передо мной стоит обнаженный мужчина с широкими, я бы даже сказала, богатырскими плечами, потрясающей рельефной спиной, узкими бедрами и упругими ягодицами. Ну чисто Аполлон, как сказала бы моя бабушка.

Я не бабушка, но с удовольствием занесла бы этот образец мужской красоты в раздел «идеал».

К моему разочарованию, ниже рассмотреть я ничего не успеваю, потому что он натягивает кожаные штаны и возится с завязками. Зато я могу любоваться, как перекачиваются мышцы на его спине: медленно, плавно... И это создает ощущение опасности, как будто передо мной не просто человек, а хищник.

— А, проснулась, — даже не оборачиваясь, небрежно произносит он.

Ну вот все и испортил. В тоне сквозит такое презрение, что у меня аж скулы сводит. Вычеркиваю из раздела «идеал».

— На твое счастье, в тебе оказалось куда больше силы, чем мне обещали. — Мужчина наконец поворачивается ко мне и берет со стула небрежно накинутую на него белую рубашку.

Нет, все же хорош... Густые черные брови, пронзительный, хоть и ледяной взгляд черных, как ночь, глаз, в которых читаются вызов и высокомерие, словно он оценивает и подчиняет все, что попадает в его поле зрения. Высокие

скулы, волевой подбородок с ямочкой. Чувственные, четко очерченные губы изогнуты в усмешке.

Он надевает рубашку, и до меня доносится аромат сандала и можжевельника, который пробуждает в голове воспоминания... вовсе не мои! Просто потому, что мои ограничивались бы хирургической стерильностью и холодом операционной кушетки.

Сейчас же передо мной проносятся совсем другие события: молодая девушка, вроде как сводная сестрица, трагично заламывающая руки; суетливая толстая женщина с испариной над верхней губой, вроде как моя мачеха; и момент, когда меня в одной ночной сорочке вталкивают в темную комнату, где меня ждет невероятной красоты и мощи мужчина.

Беспощадный и непобедимый генерал королевской армии Арион Тарден. Дракон, который платит таким как я — безродным невинным магически одаренным девушкам — за их силу.

Дыхание перехватывает, когда я мысленно возвращаюсь в реальность. Ну ничего себе!

— Только не нужно вот этого удивленного и оскорбленного взгляда, — по-своему истолковывает мои эмоции Арион. — Ты... Как там тебя зовут... Ты же не думала, что такая, как ты, может на что-то рассчитывать?

Он еще и имени не запомнил? «Такая, как я»? Я даже невольно окидываю взглядом свое тело под грубоватой простыней. А что со мной не так? Здоровая, молодая... Меня устраивает!

— Ты прекрасно знала, на что шла. Вот плата, как и было обговорено.

Он небрежно швыряет мне в ноги кожаный мешочек, который со звоном падает на постель.

— Таскаться за мной бессмысленно, поэтому просто забудь, — бросает дракон и выходит из комнаты.

Я? За ним? Бегу, теряя тапки!

Читая книги о попаданках, я каждый раз молила вселенную, чтобы меня вот так когда-то закинуло невесть куда. Прочь оттуда, где день ото дня мне становилось только больнее, потому что назначенные препараты уже не помогали.

Где надежды на то, что дальше будет что-то светлое, не оставалось совсем. Где из воспоминаний у меня остались три неудачных ЭКО, последнее из которых спровоцировало онкологию, муж, заделавший ребенка на стороне, и покосившийся домик от бабушки в деревне.

Готова ли я принять тот факт, что мои мечты сбылись? Да, сто раз да! Но чтобы я позволила какому-то там высокомерному мужественному красавчику испортить мне жизнь? Да ни за что!

Как только дверь за драконом захлопывается, я сползаю с кровати. И уже не потому, что у меня нет сил двигаться. А потому что... видимо, все же сейчас ночь.

Тело у меня, ну, то есть у Адалии Пэрис, девушки, в тело которой я попала, было очень даже ничего.

Нахожу глазами зеркало в старой деревянной раме и подхожу, чтобы оценить все то богатство, которым наградила меня вселенная. Да, худовата, да, лицо бледное, а волосики жиденькие. Но это все поправимо.

Зато у меня есть глубокие голубые глаза, длиннющие ресницы, высокая девичья грудь, тонкие запястья и стройные ноги.

Второй шанс на жизнь. Это больше, чем я могла мечтать.

Нахожу непрозрачную, к счастью, ночную рубашку, в которой сюда втолкнули Адалию, и натягиваю ее, попутно соображая, что мне теперь делать.

За дверью слышатся голоса и торопливые шаги.

— Дракон уже ушел, — дрожащим, вызывающим неприязнь голосом говорит мачеха. — Вроде довольный. Скажи спасибо, что он на эту чахлую согласился, иначе б тебе под ним быть.

— Матушка! Да что ты такое говоришь?! Меня бы тогда замуж не взяли, а ей-то что? И так не возьмут!

Судя по воспоминаниям девушки, Адалия — дочь старого почившего трактирщика. После его смерти вторая жена прибрала к своим рукам все имущество, Адалию использовала как бесплатную рабочую силу, а свою дочь, Эренцию, всячески обхаживала. В общем, все как в старых добрых сказках.

Только вот, вместо того, чтобы встретить благородного принца, Адалия оказалась в постели дракона, который срочно потребовал невинную деву с магией. Отказать ему не имели права, ну а выбор, по идее, и не стоял.

После этого вряд ли бы ее будущее было светлым и со счастливым концом. Но... я не она.

— Он обещал хорошую плату, — алчно произносит мачеха. Я, кажется, даже представляю, как она потирает руки. — Это закроет наши долги, и даже останется на твое приданое. Барон Воффель тебя все еще обхаживает? А от Адалии мы просто тихо избавимся.

Так. Стоп. Что они собираются сделать?

... ГЛАВА 2 ...

А не обалдели ли они часом? Вот это я понимаю — наглость!

Значит, тело мое, магия моя, а деньги им? Вот это они, конечно, хорошо придумали!

Хватаю увесистый мешочек с монетами, засовываю его под матрас и аккуратно расправляю простыню, чтобы не было ничего заметно. Если что, все равно мне потом убираться.

Шаги затихают у двери, которая почти сразу после этого открывается, являя мне мачеху и сестрицу.

— Жива? — как-то подозрительно и недовольно фыркает Августа, мачеха Адалии.

Она проходит в комнату и брезгливо окидывает взглядом кровать. Ее полная фигура обтянута корсетом, подчеркивающим пышные формы. Висящие щеки и двойной подбородок, свидетельствующие о добром аппетите и любви к хорошей еде, подрагивают при каждом движении головы. Из-под тяжелых век меня оценивают маленькие пороссячи глазки, окруженные сетью морщин.

— Вижу, что жива.

Толстые пальцы сжимают веер, которым она тянется к моему подбородку. Августа всегда так делает: поддевает

веером подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза, а порой и бьет, если что-то не по нраву.

Ну уж нет, я с собой так обращаться не позволю. Делаю шаг назад и спокойно, открыто смотрю на нее, хотя память Адалии подсказывает мне, что та никогда не смела поднять взгляд. Моя реакция озадачивает мачеху. Она прищуривается и бьет веером по своей ладони.

— Что-то не так, Адалия? — спрашивает Августа с угрозой в голосе.

— Вы отдали меня на поругание мужчине, разве в этой ситуации вообще что-то может быть «так»?

— Ой, не драматизируй, — отмахивается она, — от этого еще никто не умирал. Ты должна радоваться, что хоть так узнала, что такое мужчина. На тебя бы иначе вообще никто не посмотрел. А тут даже не кто-нибудь, а дракон!

Так и хочется сказать: раз это такая честь, почему тогда не положила под него свою дочку? Все были бы счастливы.

Но мачеха, хоть и говорит вроде бы небрежно, словно невзначай, внимательно следит за моей реакцией, будто провоцируя. Именно эта мысль не дает мне ответить дерзко. Что-то тут не так... Надо подумать.

— Как скажете, — отвечаю я, сжимая зубы, но не отводя взгляда.

Эренция, стоящая позади мачехи, довольно хмыкает. Она всегда с восторгом наблюдала за издевательствами над Адалией. И если родная дочь трактирщика не могла понять причин, то я их, определенно, вижу.

Ее высокая, худощавая фигура кажется угловатой и неуклюжей. Бледное лицо с заостренными чертами и тонкими губами выражает постоянное недовольство. Естественно, даже на фоне слабой и замороженной Адалии Эренция не выглядела выигрышно. Зависть — вот что движет ею.

— Где деньги? — требовательно спрашивает мачеха.

— Какие деньги? — Я старательно изображаю удивление, надеясь на репутацию Адалии, как совершенно бесхитростной девушки.

— Которые должен был заплатить дракон, — подтягивает Эренция, как будто уже мысленно представляет, что делает с этими деньгами.

Я делаю испуганное выражение лица (по крайней мере, надеюсь, что оно выглядит испуганным):

— Матушка... Так он ничего...

Выдавить слезу? Пожалуй, не стоит.

Лицо мачехи покрывается багровыми пятнами, выказывая высшую степень негодования. Был бы у нее свисток, как у чайника, наверное, засвистела бы.

— У-у-у... бесполезная девка! — срывается она на визг. — Уже и ноги раздвинуть не можешь нормально! Только и годишься, что в полемойки. Подбери свои сопли и марш убираться! Чтобы все отхожие места сегодня вычистила. Курица безмозглая!

Она еле сдерживается от того, чтобы не сломать свой дорогой веер, желательно об мою голову. Но в конце концов, бросив испепеляющий взгляд, уходит из комнаты.

Не могу удержаться от усмешки. Мне можно памятник за выдержку ставить!

Ну, что... Теперь пусть этот дракон и Августа между собой разбираются и решают, кто не верблюд. Нечего было так со мной обращаться.

Конечно, убираться я не собираюсь. Как и дальше жить с Августой и Эренцией. И плата, что оставил дракон, очень мне пригодится. Главное сейчас — сесть и обдумать, покопаться в памяти Адалии, чтобы понять, куда мне можно податься.

Дождавшись, когда на лестнице стихнут шаги этих двух невыносимых особ, я достаю из-под матраса мешочек и, шлепая босыми ногами по потертому деревянному полу, убегаю в свою комнату.

Меня радует, что у Адалии комната хоть и маленькая, но зато своя. Девушку переселили сюда спустя пару месяцев после смерти отца под предлогом ремонта той, в которой она жила до этого. Ремонт давно был завершен, но Адалия так и осталась в крохотной угловой комнатухе, промерзающей зимой так, что на стенах появлялся иней, и вода в тазике для умывания подергивалась тонкой пленкой льда.

Из мебели только самое необходимое: узкая деревянная кровать, накрытая потрепанным старым одеялом, не-

большой деревянный стол с одним шатким стулом, комод и старая, потрескавшаяся раковина для умывания в углу.

Подхожу к комоду и достаю первое попавшееся платье. Какая разница, какое брать? Все они из застиранного льна, цвет которого уже и не определишь.

Ящик, если и получается задвинуть, то только с пятого раза, но происходит это с таким грохотом, что с комода падают свеча и шкатулка. Как же мы, оказывается, избалованы мебелью с полозьями на колесиках!

Поднимаю свечу, а за шкатулкой приходится лезть под кровать. С досадой отмечаю, что по деревянной шкатулке прошла трещина. А ведь была такая красивая, с позолоченным вензелем «А. П.» — инициалами отца Адалии.

Чуть прижимаю пальцами, чтобы попытаться исправить, но в этот момент раздается щелчок, и вензель на шкатулке открывается, как дверца.

Я вздрагиваю от неожиданности и чуть не роняю шкатулку снова.

Заглянув внутрь, нахожу сложенную в несколько раз записку с надписью: «Моей дорогой Адалии в день ее совершеннолетия».

...☀ ГЛАВА 3 ☀...

«Моя милая дочурка, если ты читаешь это письмо, значит, я не смог сам поздравить тебя с этим важным днем...»

Мне приходится поднапрячься, чтобы вспомнить, когда же у Адалии был день рождения: его не отмечали уже несколько лет подряд. Кажется, именно позавчера ей исполнилось восемнадцать. Если бы дракон появился чуть раньше, магия Адалии осталась бы недостижимой для него, а так мачеха вон сразу подсуетилась. Вот собака страшная!

Еще труднее, оказывается, вспомнить, как так вышло, что Адалия не открыла шкатулку вовремя, ведь если бы не случайность, это письмо не нашлось бы вообще. Вероятнее всего, девушка просто не знала о тайнике: отец, похоже, не успел о нем рассказать, перед тем как погиб.

Прислушиваюсь к звукам снаружи, чтобы убедиться, что мне не стоит ждать незваных гостей. От волнения даже руки подрагивают. Или от слабости?

Разворачиваю записку, с хрустом сломав коричневую печать, и подхожу к маленькому окну, выходящему на задний двор трактира, потому что иначе очень трудно что-то разобрать из-за слабого освещения. Скольжу глазами по неровным, кривоватым строчкам и буквам, стоящим вразвалочку на пожелтевшем листе бумаги. Но эстетика письма отходит далеко на задний план, когда я вчитываюсь в слова.

В каждом неловком завитке чувствуется отцовская любовь и искренняя забота. Такие, что у меня сердце сжимается от тоски по своим родителям: их тоже не стало несколько лет назад, и, кажется, я до сих пор до конца не приняла это.

Но среди всех слов нежности, которые написал отец Адалии, сейчас находится ответ на вопрос, почему мачеха так ненавидит ее.

«По моему завещанию, которое будет храниться у нашего нотариуса, после совершеннолетия ты становишься владелицей нашего трактира. Августа и Эренция должны получить ежемесячное содержание и квартиру в доходном доме над книжной лавкой».

Усмехаюсь тому, насколько все же Адалия была нежным цветочком, не приспособленным ни к чему: она знать не знала ничего ни о завещании, ни о квартире. Хорошо мачеха устроилась, однако! И рыбку съест, и...

«И еще... Должен я тебе признаться кое в чем. Боюсь я за тебя. Малодушно не уверен, что Августа сможет заботиться о тебе, как о родной».

Два года назад я приобрел крохотный участок земли с домиком на юге от Валерона на имя тетки твоей кормилицы, Лиры Бранкс. Расписка будет лежать у нотариуса, там она будет в большей сохранности.

Если когда-то, не приведите всемирнолюбивые боги, тебе захочется сбежать, знай, что там тебя ждут».

Вот оно! В голове по пунктам выстраивается план, который должен привести меня к новой счастливой жизни.

И да, я стопроцентно уверена, что в этот раз она будет счастливой, для того второй шанс и дается.

А отец Адалии-то как в воду глядел! Я все гадала: неужели совсем трактирщик слепым был, не видел, что за фрукт его женошка. Нет, оказывается, сам не простой.

Трясу на всякий случай еще шкатулку, и из того же отсека мне на ладонь падает небольшой медный медальон, старый, подернутый зеленью, но все равно очень красивый. По краю выгравированы замысловатые узоры и завитки, а в центре — изящное рельефное изображение дракона.

Дракон? Что-то мне знакомство с местными драконами не особо понравилось. Неправильные они какие-то. Где благородство? Хотя красив генерал, да... Этого у него не отнимешь. Да и пахнет он прекрасно.

— Ты что там застряла? — раздается стук в дверь и режущий слух голос Августы. — Грязь сама себя не уберет! Шевелись, убогая!

Черт, лишь бы не вломилась. Сминаю записку и прячу в кулаке.

— Да, матушка.

Я закатываю глаза и делаю дрожащий покорный голосок.

— Я сейчас.

— Хватит страдать и рыдать, — ядовито говорит она. — Я — к дракону за деньгами. И, не приведите боги, я узнаю, что ты что-то ночью сделала не то! Высеку прямо во дворе, чтобы все видели, поняла меня?

Чувствую, как кулаки сжимаются еще сильнее, а ногти впиваются в ладонь. Тебя бы высесть за все твои делишки. Но ничего... Я не Адалия, и я найду на тебя управу.

— Поняла, — отвечаю я, возможно, резче, чем нужно было.

— То-то же, — удовлетворенно хмыкает мачеха. — И дрянь свою не забудь выпить, а то сдохнешь раньше времени. Кто убираться-то будет?

Слышу удаляющиеся шаги и немного выдыхаю. Что я там должна выпить?

На раковине стоит коричневый подозрительный пузырек с марлевой пробкой. У меня мама на работе такими же

пробирки закрывала для стерилизации... Прямо воспоминание из детства.

В пузырьке — мутноватая жидкость без каких-либо опознавательных знаков. Адалия это пила после какого-то из обмороков. Буду ли я это пить? Нет. Выливаю содержимое в раковину, и комнату наполняет резкий нашатырный запах.

Уж лучше я при необходимости схожу к лекарю, хотя пока что чувствую себя более чем здоровой, а мне есть с чем сравнивать. Разве что голод немного донимает.

Так, пока мачехи нет, а Эренция, по своему обыкновению, сидит у себя в комнате и читает газеты с последними сплетнями, пора воплощать свой план в жизнь. Я быстро одеваюсь, причесываюсь, прячу записку, медальон и мешочек с монетами в карман и, нисколько не жалея, что покидаю эту комнату, выскальзываю в коридор.

Дверь в комнату Эренции плотно закрыта, и я, испытывая злорадное удовольствие, просовываю стоящую в углу метелку сквозь ручку. Мелкая пакость, конечно, но душу греет. К тому же даст мне фору, если вдруг заметят, что я куда-то сбежала, вместо того чтобы послушно чистить туалеты.

Спускаюсь на первый этаж, где за столами сидит очень много разномастного народа. Присматриваться времени нет. Не думаю, что мачехе потребуется много времени, чтобы получить от ворот поворот у дракона. Надо быстрее делать ноги.

Вроде бы все спокойно и гладко складывается, но сердце отчаянно колотится, а адреналин в крови просто зашкаливает, когда я через едва скрипнувшую дверь выхожу на задний двор, заваленный бочками и ящиками.

Платье цепляется за все подряд, на каком-то торчащем гвозде даже остается клочок подола, но я добираюсь до конца двора, до неприметной деревянной двери. Толкнув ее, проскальзываю внутрь, очутившись в тесном переулке между доходным домом и зданием банка.

Да, трактир имеет очень удобное расположение — в самом центре города. До нотариуса всего полквартала, но сначала нужно выйти на главную улицу.

Ускоряю шаг и, периодически озираясь по сторонам, прохожу переулок, а потом и оживленную людную улицу, где умудряюсь смешаться с толпой. Чем дальше я иду, тем тревожнее становится.

Нет, я, конечно, готова бороться, но кажется мне, что Августа ведет какую-то игру, о которой не знала Адалия. И эта игра может оказаться весьма и весьма хитрой. Главное — быть готовой к неожиданностям.

Останавливаюсь у высокого здания с узкими окнами — дома нотариуса фон Ляхтена — и поднимаюсь на крыльцо.

— Нира Адалия? — удивленно приподнимает брови сам фон Ляхтен, открывший мне дверь. — Вас прислала нора Августа?

Окидываю взглядом этого мужчину чуть за сорок, похожего на беременного таракана: ножки тоненькие, а пузико выразительное.

— Нет, господин фон Ляхтен, — серьезно отвечаю я. — Я пришла сама. За завещанием.

....🌸 ГЛАВА 4 🌸....

Его лицо вытягивается. Острый подбородок становится еще острее, щеки — впалыми, а пенсне чуть было не соскальзывает с его загнутого книзу носа.

— Но... Нира... — что-то бубнит он.

И это раздражает.

А еще заставляет напрячься. С моей стороны было бы глупо надеяться, что человек, который сам не пришел рассказать мне о завещании, будет рад меня видеть. Но документы мне нужны, и без него их не получить.

— Нира Адалия, — намекаю я, что он ошибся в моем имени. — Что-то не так?

Фон Ляхтен начинает суетиться и, предварительно взглянув на улицу — будто проверяя, не видел ли кто моего прихода, — пропускает в дом.

На секунду мне показалось, что я вхожу в логово маньяка, который продумывает, как изощреннее убить меня,